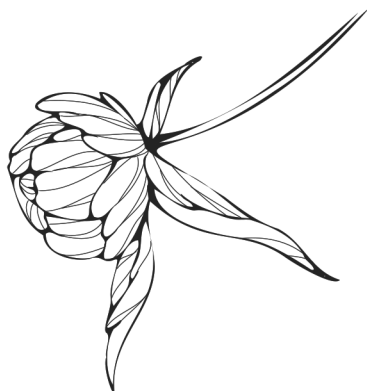

АМИНА АСХАДОВА

девочка
ЭМИНА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Асхадова, Амина.

А91 Девочка Эмина : роман / Амина Асхадова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-231696-8

Диана жила с родителями в постоянном бегстве, скрываясь от неназванной угрозы. Теперь она знает его имя — Эмин. Жестокий криминальный авторитет похищает девушку из мести за грехи ее родителей. Диана оказывается в плену токсичной одержимости, где выживание означает потерю себя, а любовь неотделима от безумия. Единственный выход из этого ада может стоить ей жизни. Он отнял у нее все — семью, имя, свободу. Она — украла его сердце.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231696-8

© Амина Асхадова, текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

— Прости, но мы снова переезжаем. Родители уже пакуют чемоданы. Выходить из дома не разрешают. Говорят, что только здесь я в безопасности.

На экране ноутбука появляется разочарованное лицо моей подруги. За свои девятнадцать лет я поменяла десятки городов, и это испытание выдержала только она — Кристина. Моя подруга детства.

— От кого вы бежите? Твой отец — важная шишка, да?

Эту правду не знает никто. Даже я. Родители тщательно скрывают ее от меня.

Всю свою жизнь я лишь покорно следую за родителями. Едва мы обоснуемся на юге, как нам тут же приходится бежать в Сибирь. И наоборот.

Дольше всего мы прожили в Сибири. Мама говорила: «Тут спрятаться легче».

— От кого спрятаться, мама? Нас кто-то преследует? — этот вопрос я задавала ей из года в год.

— Не забивай голову, дочка. Папа защитит тебя.

— А ты? Куда денешься ты?

Мама гладила меня по щеке, но взгляд ее выражал тревогу и страх.

Поправляю наушники, слушая лепет Кристины по скайпу. В комнате играет непринужденная мелодия, мои чемоданы собраны.

Я не знала, куда мы бежим в этот раз. И я не знала, сколько будет длиться это бегство, но я слишком любила своих родителей, чтобы не слушать их.

Невозможно не верить маме, когда в ее глазах стоит такой неподдельный страх. Этот страх вызван одним мужчиной, — однажды она проболталась, и теперь я знаю кусочек правды.

Но кто он? Что это за страшный человек?

— Тебе вновь придется отстричь свои длинные волосы? — вздыхает Кристина.

— Да, как только мы приедем в новый город.

Мне постоянно приходилось менять внешность. Я была и блондинкой, и брюнеткой, и даже рыжей. Мама разрешала мне красить волосы. Так было нужно.

Мама тоже менялась. Сейчас она рыжая. Все это пугало меня.

— Когда снова в Сибирь? — грустно спрашивает подруга.

Пожимаю плечами. Я привыкла говорить об этом легко.

— На юге мы обычно не задерживаемся. Думаю, что скоро вновь вернемся сюда.

Год назад мне довелось услышать разговор отца и мамы. Впервые они разговаривали на повышенных тонах:

— Мне так надоело бежать, Аня! Мне нужен еще год, я не могу все бросить и уехать из Сибири!

— Прости меня, Альберт! Прости! Во всем виновата только я, — мама плакала, — но у нас нет времени. Он уже рядом!

— Мы останемся здесь еще на год. Я так решил. Он не найдет тебя так быстро. Я вас защищу.

— А если найдет?! А если он уже за дверью? Он убьет тебя и нашу дочь, а меня... Боже, я не могу об этом думать!

— И не думай. Я убью его, если он прикоснется к тебе и Диане.

— Ты не представляешь, о ком ты говоришь, Альберт!

Мама рыдала. Впервые в жизни. Год назад мама просила отца уехать, но он принял решение остаться. Я поддержала папу, все-таки он — глава семьи.

Но год пролетел незаметно, и вот срок подошел к концу.

Пора прощаться с Кристиной.

— Завтра рано вставать на самолет. Если проспим, не улетим еще месяц, а это опасно... — бормочу я, прикрыв глаза.

— Диана! Диана!!!

Я встrepенулась. Ее крик оглушил меня. Я взглянула на экран: Кристина смотрела поверх моей головы и ее глаза были наполнены диким ужасом.

— Диана, кто это?! Диана!

Это было последнее, что я услышала от Кристины. Я почувствовала такую сильную хватку на своей лодыжке, что закричала от боли. Наушники слетели, я перестала слышать крики Кристины. Я лишь чувствовала, как скольжу прямо по своей постели с бешеной скоростью. Боль в ноге все еще прожигала до искр и темноты в глазах.

Перед тем как меня кинули на пол, мы с Кристиной встретились взглядом.

В последний раз.

Ее глаза в ужасе смотрели на меня с экрана ноутбука, но она ничего не могла поделать. А в следующую секунду на экране, прямо там, где все еще застыло перекоршенное от ужаса лицо подруги, образовалась дыра.

Стекло треснуло от выстрела.

Экран потух.

Меня охватила паника. Тело будто парализовало, я увидела над собой троих незнакомцев. Все они были здорового роста. Я валялась на полу, словно собака.

Боже, Кристина ведь догадается позвонить в полицию?

Сквозь тяжелое, болезненное дыхание я услышала их речь.

— Ты босса не врубай! — оскалился один. — Ваше дело было родков валить, а с девчонкой я сам разберусь.

Родков валить?

Я всхлипываю, пытаюсь незаметно отползти. Но миг получаю удар по ребрам, спирающий дыхание. Я скрючиваюсь от боли.

Не думала, что моя жизнь закончится, едва начавшись — в 19 лет.

— Куда ты собралась, баруха?

Мамочка, что все это значит? Я зажмуриваюсь, а в следующую секунду взвизгиваю от боли. Чья-то рука вцепилась в мои волосы и потянула наверх. Я едва касалась пола носками.

— Не ори! — Бритый оскалился мне в лицо: — Мы порешали, я первый у тебя буду.

Меня затошнило. Живот скручивало спазмами от ударов, которые я получала за каждое сопротивление. По щеке было большее всего — голова дергалась, волосы натягивались подобно струне. Я уже не чувствовала своей головы, а они, как стервятники, сдирали с меня одежду.

— Пожалуйста, не трогайте! — умоляю, чувствуя на голом теле мужские руки.

Меня скручивает от отвращения. Его руки повсюду, другие только смотрят. Я визжу и извиваюсь в его руках. Носки не дотягиваются до пола.

Ему надоедает играть с моим телом, и тогда он дает знак — другие рвут с меня пижамные штаны. Я теряю голос, в глазах летают искры от боли. Я уже не кричу, я хриплю.

— Долго ты ее лапать будешь? — рычит второй. — Скоро менты подъедут, а тут уже очередь. Ее еще грохнуть надо.

Слышу лязг пряжки ремня. Я почти теряю сознание и не вижу ровным счетом ничего. Только чувствую его мерзкие руки.

— Подожди, не видишь? Зеленая девка, все по красоте надо. Первый раз таки.

Они смеются. Мне больно. Противно. Из глаз текут слезы. Я падаю на пол плашмя. Колени прожигает боль, но это ненадолго.

— Анархист-старший приказал ее хорошенько отыметь, а потом убить. Умрет смертью побитой собаки, — ржет третий.

Меня кидают на постель, обнаженной кожей чувствую холодный металл ноутбука. Я распахиваю глаза. Я раздета, меня уже ничто не спасет.

Я вскидываю ногу и из последних сил ударяю главаря в грудь. В глазах заискрило от боли, а он даже не сдвинулся, только разозлился. В ответ я получаю оглушительную пощечину и вмиг теряю себя.

И визжать перестаю.

Разозлившись, он начинает наносить удары — один за другим, до гематом, до крови.

— Эй, ты че творишь?! Как собака на сене! Ну-ка отойди! — кидается второй.

После ударов я уже не чувствую тела. Это и к лучшему. Даже если они начнут свое грязное дело, я уже ничего не почувствую. Лучше умереть, чем быть оскверненной этими троими.

— Тихо! Кто-то идет!

На моих рассеченных от ударов губах появляется улыбка. Истеричная. Словно предсмертная. То кашель с кровью, то улыбка. Да... лучше умереть.

Только знать бы — за что?

— Эмин приехал! Отошли живо!

Мои крики смолкли — и комнату наполнили крики моих палачей. Вошел кто-то сильнее. Они его боятся. Его сила придавила меня к кровати, хотя он даже не касался меня.

Кто такой этот Эмин?

И следом: а есть ли разница?

— Вам было велено убить ее.

Тяжелый голос. Как металл. Даже тяжелее. Опаснее. Мне не нравится этот голос, он впивается в мое побитое обнаженное тело, как клеймо.

— Сначала поиметь, а потом убить, — смешок главного из бритых.

Выстрел. Всего один.

— Еще вопросы?

Мне снится или я слышу вой автомобильной сирены?

Открываю глаза. Пытаюсь пошевелить пальцами.

Скоро здесь будет полиция.

Я хочу жить. Но не хочу быть заклеименной этим... зверем.

— Забирайте женщину и выносите через черный выход. По лестнице вниз. С ментами справлюсь, девчонку прикончу.

Откуда он знает, где в нашем доме черный выход? И почему он хочет забрать мою маму?

«Диана, ты должна бежать. Он убьет тебя и глазом не моргнет. Убийцы с таким голосом не врут, он прикончит тебя прямо на твоей постели. Если еще не захочет стать первым мужчиной перед твоей смертью...»

— Женщину доведите в сохранности. Хоть волосок упадет — Анархист с вас шкуру снимет. Вы знаете, сколько лет он ее искал.

— Конечно, Эмин! — голос моих мучителей наполнен благодарностью и страхом.

Забоялись полицию. А Эмин — не забоялся. Я уже хорошо его знаю.

Они ушли за моей мамой.

Пытаюсь вновь пошевелить пальцами на руках. Могу. А ноги не поднимаются.

Он приближается, и от его шагов становится страшно.

Когда кровать прогнулась под его весом, я тихо заплакала.

— Тс-с. Не бойся меня. Они ответят за это.

Его холодные шероховатые пальцы коснулись моих губ. И нежно вытерли слезы. Так нежно, что стало невыносимо больно.

ГЛАВА 2

В виске запульсировало очень сильно. Я шмыгнула, почувствовав горячую струю под носом.

— Запрокинь голову. У тебя кровь из носа.

Коротко и властно. Он только что пристрелил своего человека, поэтому лучше слушаться. Пытаюсь запрокинуть голову.

От движения тело прошибает боль. И я вспоминаю, что совсем обнажена.

— Мамочка... — всхлипываю.

Очень больно. Не могу пошевелиться.

— Мама не поможет. Теперь ей самой нужна помощь.

Я реву. Он вытирает кровь моей же простыней. Распахиваю глаза, когда его большие руки обматывают меня тканью. Касаются избитого тела.

Я съеживаюсь, пытаюсь уклониться от его рук. Вой сирен приближается.

Он злится. Я чувствую это по его дыханию

Грубость рук становится ощутимой. Пятерней сжимает мои ноги, чтобы не дергалась. Закутывает меня так, что не выбраться.

— Жить хочешь, Диана? Для этого понадобится много крови.

Я не успела ответить. Одной рукой он схватил меня, а в другой — блеснул нож.

— Мне нужна не эта кровь, он все поймет! — Мужчина чертыхается.

И тогда мы встречаемся взглядом. Мой подбородок дрожит.

— Ты девственница?

— Я... я... — хриплю, пытаюсь отползти от него.

Хватка усиливается. В глазах опять темнеет.

— Понял. Ты пока не готова, мы совсем не знакомы и так далее, — усмехается он.

Но в его усмешке таится жестокость. Он в силах получить от меня все, что захочет.

В следующую секунду руку пронзает боль. Острая. Ядовитая. Режущая. Кровь хлещет так, будто меня лишили руки.

Лучше бы я умерла.

Кому-то нужна моя смерть, а этому незнакомцу нужна моя жизнь.

Простыня в крови. Я лежу в растекающейся луже. Тошнит. Холодно. В глазах потемнело.

— Достаточно.

Он стягивает с себя футболку, с силой зажимает порез и поднимает меня на руки. Вместо крика — хриплый стон. Мое тело уже не принадлежит мне.

Открываю глаза. Простреленный ноутбук. Кровать в крови.

И его глаза. Серые, бездушные. Страшные, как теперь моя жизнь.

Я читаю в них свой приговор.

Мне снова становится плохо.

— Пожалуйста, не трогайте меня. Лучше убейте сейчас, чем потом... после... — умоляю его.

— Делай, как я говорю. А я говорю: закрой рот.

Поджимаю губы. В его присутствии страшно даже плакать.

Дальше начинается кромешный ад. Мы перешагиваем через труп того, кто раздевал меня. Ногой он выбивает дверь моей комнаты. Первый этаж. В гостиной, возле родительских чемоданов, лежит тело. Опухшими глазами я узнаю родной силуэт. Мамы нет.

Отец на полу. Его безжизненный взгляд направлен в потолок. Во лбу — дыра.

— Папа... Папа!

Я кричу. Истошно кричу. Во мне появляются силы — я вырываюсь из кокона простыни. Она распахивается, но упасть не позволяют мужские руки. Пощечина. Лицо горит, из носа хлещет кровь.

Я вскрикиваю и замолкаю. На миг теряю сознание. Он не такой, как те трое.

Он хуже. Опаснее. И бьет сильнее.

Я плачу. На столе лежали наши документы — паспорта, билеты на самолет — наш шанс на счастливую жизнь. Эмин забирает все. Мой паспорт кладет отдельно — в карман. Остальное сминает в кулаке.

Он знает, где находится черный выход. Там поджидает автомобиль цвета грязного асфальта. Под стать его глазам.

Эмин уже был в нашем доме. Он знает, чем закончится этот день.

Вой сирен совсем близко — возле нашего поселка. Когда он вытащил меня на улицу, в лицо ударил снег. Звук сигнализации. Открывает дверь, хочет посадить меня внутрь.

Я снова пытаюсь вырваться, и снова — пощечина.

Вторая. Это не принц. Это зверь.

Ноги подкашиваются. Он подхватывает меня за талию. Слышу мат. Эмин с силой прижимает меня к автомобилю. Холод обжигает спину.

Он сжимает челюсти, хватка усиливается.

— Останешься тут, и они грохнут тебя уже завтра. Поедешь со мной, но не будешь послушной девочкой, грохну тебя я. Выбирай.

Дрожу под его руками. Больно и холодно.

— Чтобы выжить, ты станешь моей. Верной. Преданной. Девочкой Эмина, и ничьей больше.

До боли кусаю губы, сдерживая всхлипы.

— Ты вернешь мне маму? Ты знаешь, кто ее похитил?

— Знаю.

— Я согласна.

ГЛАВА 3

Его движения кричат о силе.

Мое сердце заходится в панике, когда Эмин усаживает меня в автомобиль.

Мы срываемся в неизвестность. Я даже не спросила, что значит «быть девочкой Эмина, и ничьей больше». Согласилась, не думая...

Монотонный звук дорогого автомобиля. Папа не мог позволить себе такую машину — все деньги уходили на бегство. Из года в год. Сотнями тысяч.

И все напрасно.

Нас нашли.

— Прекрати реветь. — Эмин крепче сжимает руль.

Его злят мои слезы. Костяшки его рук побелели — то ли от холода, то ли от ярости. Мы отдаляемся от моего дома с бешеной скоростью, а в глазах — отец с простреленной головой.

Я зажимаю рот в приступе агонии. Эмин злится еще больше.

Мы едем недолго. Буквально через несколько минут он тормозит у незнакомой девятиэтажки — прямо у подъезда, чтобы незаметно вытащить меня из машины и как можно быстрее кому-то передать. Как товар.

У подъезда замечаю мужской силуэт. Снег летит в лицо, застилая глаза. Я пытаюсь сопротивляться — не хочу в другие руки, не хочу в этот подъезд.

— Уноси ее быстро.

— Хорошо.

Эмин отдает меня и уходит. Я понимаю: без него мне не выбраться. Я боюсь того будущего, в котором нет шанса на спасение.

— Эмин! Эмин! — хрипло кричу.

Сил вырываться больше нет.

Он ведь говорил: «Либо моя, либо ничья». Почему тогда отдает меня на растерзание?

Мой крик заставляет его вернуться. Кожей чувствую приближение и замираю в чужих руках. Подъездная дверь почти захлопнулась, отделяя меня от Эмина. Но он вернулся.

— Я отгоню машину и вернусь за тобой. Замолчи, Диана!

Я снова разозлила его.

Но он вернется. И мы найдем мою маму.

Незнакомые руки заносят меня в лифт. Мужчина молчит, я тоже притихла. Кто этот человек?

Его друг? Или сообщник? С чего я вообще решила, что Эмин появился в моей жизни с добрыми намерениями?

— Так тебя зовут Диана?

Я вздрагиваю от вопроса. Хочется втянуть голову в плечи — я беззащитна.

Киваю: «Диана».

— Меня Андрей.

Молчу.

— Как себя чувствуешь? Голова не кружится?

— Ужасно... — удаётся шепнуть.

Мы оказываемся в квартире. Меня кладут на кровать, но я даже не могу разглядеть лица того, кто меня раздевает. Только паника захлестывает с новой силой, я вырываюсь.

— Руки убрал. Я сам. Не прикасайся к ней, друг.

Я откликаюсь на этот голос. Металлический. Подавляющий. Голос Эмина.

Незнакомец отпрянул от меня.

В глазах его «друга» показался страх. Такой, что теперь он никогда не прикоснется ко мне. Даже под угрозой смерти.

Эмин слово сдержал — вернулся за мной. Принял из рук своего друга. Вот такую — обмотанную в кровавую простыню — принял меня.

— Сейчас я тебя искупаю. Будешь сопротивляться — насильно.

Шмыгаю носом. Его сильные руки раздевают меня. Не хочу насильно, пусть делает что угодно, лишь бы снял боль. Ему хочется верить, даже если нельзя.

А я знаю — нельзя. От таких бегут.

Он принес меня в ванную. Оголил бледную кожу. Положил в мешок кровавую простыню.

И начал мыть.

В некоторых местах кожа потеряла чувствительность, и я не ощущала его прикосновений. Горячая вода уносила слезы. Я старалась не открывать глаза, но когда открывала, то видела очертания смуглых рук на своей белой коже.

На груди.

На животе.

На бедрах.

На шее. На шее было страшнее всего. Особенно когда Эмин чуть сжимал на ней пальцы, чтобы отмыть кровь. Я задыхалась под его грубыми движениями.

Еще недавно родительский дом был для меня всем. А теперь приходится подчиняться безумцу, которого я едва знаю. Стоять голой перед ним. Не сопротивляться его грубым рукам. Видеть его хмурый взгляд, когда я стону от боли.

Быть послушной, чтобы больше не получать пощечин.

— Можно... хватит? — тихая просьба.

Эмин недовольно поджимает губы. Кровь еще кое-где осталась, но я едва стою на ногах. Он видит это и щадит меня.

— Где моя мама, Эмин? Кто такой Анархист? Откуда ты его знаешь?

— Много вопросов, Диана. Ты все узнаешь позже.

В махровом полотенце намного лучше, чем в грязной простыне. Я делаю глубокий вдох, когда оказы-

ваюсь в постели. Становится так хорошо, несмотря на боль. Таблетки от боли не избавляют.

Но Эмин и не думал оставлять меня в покое.

Через несколько секунд губ коснулось холодное стекло.

— Пей. Обезболивающее. Тело нужно обработать.

Янтарная жидкость тотчас же обожгла горло. И губы. Меня не просили пить. Мне приказывали. Наклонили голову и влили жидкость в рот, заставив закашливаться.

— Мне кажется, я сейчас умру. — Слезы текут сами.

Так больно не было никогда. Я даже не заметила, как те отморозки задели мое плечо ножом, пытаюсь избавиться от одежды. Теперь я чувствовала эти раны.

Его жестокие руки касались их, не щадя. Обработывали, забинтовывали. Быстро и грубо. Хладнокровно. Как хирург, которому приходилось каждый день зашивать десяток ран.

— Только с моего позволения, Диана. Все, что принадлежит мне, погибает с моего позволения.

Не придаю значения его словам.

Да и в приступах боли разве есть дело до этих жутких значений?

Пусть хоть сделает своей собственностью, лишь бы боль снял и маму вернул.

Он вернет? Эмин знает ее похитителя — Анархиста-старшего. А кто тогда младший? Неужели у такого подонка есть дети?

Все закончилось. Андрей вошел в комнату лишь тогда, когда Эмин накрыл мое измученное, перебинтованное и измазанное лечебными мазями тело.

— Что Анархисту скажешь?

— Следов много оставил. Жестил от души. Менты не дали закончить, насильовал в лесу и там закопал. Живой.

Металлический голос. Жестокий. Он говорит обо мне.

— Вот черт, даже у меня мурашки пробежали, — смеется Андрей, — ему понравится твоя работа. Но все равно разозлится, что труп не увидел.

